

УДК 9 (430):9(470),,19''

ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ОТТО ФОН БИСМАРКА В ОЦЕНКАХ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А. М. Ипатов

Воронежский государственный педагогический университет, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86
molot.tora@mail.ru

Анализируется восприятие Отто фон Бисмарка консервативной прессой Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Предпринята попытка доказать, что оценки личности и деятельности «железного канцлера» были неоднозначны и постепенно изменялись под влиянием многочисленных факторов.

Ключевые слова: Бисмарк, консервативная пресса, Российская империя, восприятие, личность, политика.

В исторической науке преобладает точка зрения, согласно которой главным источником исследования общественного мнения в XIX в. следует считать периодическую печать. Ее специфика заключается в том, что периодические издания не только отражали идеи и воззрения, распространенные в тех или иных кругах общества, но и формировали позицию читателей [Юртаев, 2009, с. 31].

В рамках истории российско-германских отношений второй половины XIX в. рассмотрение проблемы образа того или иного государственного деятеля в прессе обеих стран позволяет выявить некоторые аспекты восприятия «чужого», «другого». Поскольку значительную роль в формировании общественного мнения Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. играли отечественные консервативные издания, особый интерес представляет отражение личности и деятельности зарубежных политиков на страницах консервативных газет и журналов. Если принять во внимание тесные российско-германские связи исследуемого периода и выдающуюся роль Отто фон Бисмарка в истории позапрошлого столетия, то нет ничего удивительного в том, что этот государственный деятель не раз привлекал внимание отечественных журналистов-консерваторов. Более того, со временем он стал все больше восприниматься не просто как личность, но как своеобразный «идеальный пруссак», живое воплощение немецкого национального характера. Принимая во внимание консерватизм самого «железного канцлера», стоит отметить, что, по сути, давая ему те или иные оценки, российские консерваторы интерпретировали зарубежный опыт, но, главное, пытались понять, каковы же их ценности, в чем особенность российской консервативной традиции и что можно было бы перенять у своих зарубежных коллег. То есть, исследуя «других», они пытались понять себя.

По мнению Б. П. Балужева [Балуев, 1971, с. 190] и Б. И. Есина [Есин, 2003, с. 246], издававшийся с 1856 по 1906 г. журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» поначалу имел либеральную направленность, однако со временем перешел на консервативные позиции. В. А. Твардовская дает довольно высокую оценку роли издателя в политической жизни страны в 60-80-е годы XIX в.: «Находившийся вне правительства публицист Михаил Никифорович Катков (1818-1887) почти четверть века оказывал значительное влияние на политику самодержавия, не только выражая, но усиливая, а зачастую и создавая мнения и настроения в "верхах", формируя там определенную точку зрения, идейно подготавливая те или иные правительственные меры» [Твардовская, 1978, с. 3].

Известно, что длительное время редактор «Русского вестника» с симпатией относился к О. фон Бисмарку, считая, что в эпоху ослабления правительственной власти и увлечения доктринами лишь германский канцлер сумел избежать недугов современного времени и привести свою страну к успеху и процветанию. Неотъемлемой чертой характера германского канцлера признавалась паразитическая целеустремленность, позволявшая ему добиваться решения поставленных задач. Так, в «Русском вестнике» №7 за 1888 г. читаем: «... не надо забывать, что князь Бисмарк более чем кто-либо не привык к неудачам и до сих пор всегда умел добиться блистательного реванша за все, даже самые ничтожные поражения, какие ему удавалось переносить» [Политическое обозрение, 1888, №

7, с. 349]. Однако если М.Н. Катков и его последователи признавали гибкость и дипломатическую изворотливость «железного канцлера», то члены редакции журнала «Исторический вестник» (1880-1917), долгие годы возглавляемого историком С. Н. Шубинским, придерживались иной точки зрения. Они настаивали на том, что объединитель Германии никогда не задавался вопросом о преодолении возможных трудностей при решении той или иной задачи, а предпочитал идти напролом, сметая все на своем пути. Возможно, наиболее четко это проявляется в том эпитете, который применял к личности Бисмарка один из сотрудников журнала – В.Тимириязев, подписывавшийся всегда кратко: В. Т.

В цикле статей «Бисмарк в своих и чужих воспоминаниях» журналист более десятка раз использовал по отношению к канцлеру прозвище «человек железа и огня», тем самым указывая на преобладание в его политике силовых методов. По мнению автора статей, Бисмарк – «величайший после Наполеона применитель в XIX веке теории "силы, господствующей над правом" [В. Т., 1899, № 4, с. 282]. В. Тимириязев употребляет и другой эпитет – «великий лицемер», доказывая, что часто слово у германского канцлера расходилось с делом, не вызывая угрызенной совести и раскаяний у «гениального юнкера» (еще один эпитет В.Тимириязева). Согласны с этим и авторы других журналов: «Подтасовка и перестановка фактов, представление их в искаженном или даже совершенно фантастическом виде – все это совершенно прилично и удобно на канцлерской трибуне...» [Политическое обозрение, 1888, № 2, с. 340].

Тем не менее, авторы всех консервативных изданий сходились во мнении, что германский канцлер, несмотря на неразборчивость в средствах, имел блестящие дипломатические способности. Среди положительных качеств Бисмарка журналисты называли обаяние, любезность, знание нескольких иностранных языков вкупе с настойчивостью и умением убеждать собеседников в правильности своей точки зрения. Рассуждая о владении «железным канцлером» русским языком, его учитель, студент В. Алексеев, писал: «С каждым уроком заметно увеличивались познания Бисмарка в русском языке, и этим быстрым успехом он обязан своей громадной памяти» [Алексеев, 1894, с. 451].

Многие консервативные публицисты отмечали неодинаковый уровень знаний германского канцлера: с одной стороны, он воспринимался ими как вечный троечник, не интересовавшийся предметами, преподававшими по его специальности в университетах Геттингена и Берлина, довольно редко бывавший на занятиях и не способный к усидчивости; с другой стороны, их поражали широкие и глубокие познания Отто фон Бисмарка в языках, истории и дипломатии, а также его практические аграрные преобразования, которые не могли быть успешными без хорошей теоретической подготовки.

Некоторые журналисты объясняли неспособность Бисмарка к сочувствию горделивостью, заносчивостью и самолюбием, отмечая в то же время, что он готов был поступиться личными интересами ради укрепления его любимого детища – Германской империи. Убедительно повествуют об этом журналисты «Московских ведомостей», рассуждая о популярности канцлера у самых широких слоев населения: «Германия чествовала человека, никогда не искавшего популярности, никогда не ждавшего иной похвалы, кроме одобрения из уст своего короля и императора, которому он всю жизнь верно служил и словом, и делом, человека, неуклонно шествовавшего по прямому пути долга и создавшего силой своего ума и энергией своей воли то могущественное национальное единство Германии, которое тысячи других людей тщетно пытались создать иными путями» [Катков, 1885, с. 149]. Газета «Московские ведомости» (1756-1917) долгие годы издавалась под руководством М.Н. Каткова. Начиная с 1863 г., она имела репутацию политически правого органа печати, что ещё более усилилось при Владимире Грингмуте. Б. И. Есин писал, что направление газеты и не могло быть иным, так как ее редактор Катков «являлся одним из идейных вдохновителей правительственной реакции» [Есин, 2003, с. 246-247].

Учитель русского языка Бисмарка В. Алексеев описывает его следующим образом: «Несмотря на сравнительно еще не старые годы (ему было тогда не более 45 лет), на голове его уже была значительная лысина. Передо мной стоял высокого роста, широкоплечий господин с густыми усами и такими же бровями. Над усами, на верхней губе заметен был шрам от довольно глубокой раны, полученной им, как я слышал, во время одной дуэли в его молодости» [Алексеев, 1894, с. 449]. Алексеева приводила в недоумение несколько нелепая одежда германского политика, выходявшего в гостиную в старом, потрепанном халате, с ночным колпаком на голове и курившего при этом до-

рогие сигары. Если В. Алексею «железный канцлер» представлялся искренним, открытым и довольно добродушным человеком, то в большинстве статей и заметок авторов консервативного лагеря доказывалось, что он, напротив, был лицемером, постоянно вел двойную игру и никогда не отличался гуманностью, особенно по отношению к своим оппонентам. А его злопамятность порой достигала такой степени, что не позволял щадить никого, даже императора Вильгельма I, которому он был многим обязан.

Журналист «Русского вестника», некто Е. Г. Г., писал: «Осужденный, в силу необыкновенной ясности и глубины своего ума, видеть то, что недоступно было взору окружающих, он постоянно обречен был на горькую муку безнадежности поделиться с кем бы то ни было тем, что составляло суть его умственной и духовной жизни» [Е. Г. Г., 1899, № 2, с. 544]. Стремление Бисмарка к уединению в своем поместье отмечали многие его российские современники, предполагая, что именно в тиши варцинских дубов он разрабатывал стратегию развития Германской империи, город же докучал ему своей светскостью и излишней суетой. Известный журналист В. А. Грингмут на примере «железного канцлера» определил следующие препятствия в деятельности любого государственного деятеля: «Он может оставлять при себе лишь свои предположения, но как только он приступает к их осуществлению, он немедленно становится жертвой критики своих товарищей, своих подчиненных, всей печати и всего общества...» [Грингмут, 1910, с. 84].

В среде консервативных журналистов господствовала идея о четкости политических построений германского канцлера, который являлся преданным слугой Гогенцоллернов и готов был идти на любые жертвы ради сохранения монархического строя в Рейхе. Наиболее убедительно это доказывается в одной из статей «Исторического вестника»: «Этим принципом нравственной ответственности исключительно перед своей страной единственно руководился Бисмарк за долгие годы своей деятельности. Она лежит в основе всей его политики, как внутренней, так и внешней, и только им и можно объяснить многое кажущееся с первого взгляда непоследовательным в словах и поступках самого логичного из политиков нашего века» [В. Т., 1899, № 4, с. 508]. Таким образом, «железный канцлер» воспринимался как яркий реакционер, наиболее последовательный из всех прусских юнкеров.

М. Н. Катков, рассуждая о том, что Бисмарка часто называют феодалом и абсолютистом, настаивал на том, что он не является ни тем, ни другим. Порой журналисты признавали некоторые его действия более революционными, чем все постановления Франкфуртского парламента вместе взятые. В целом германский канцлер был врагом радикальных преобразований, он стремился достигнуть поставленной цели путем длительной плодотворной работы: «С именем Бисмарка связано представление о политике неожиданностей, тщательно обдуманной и основательно подготовленной заранее» [Е. Г. Г., 1899, № 2, с. 539].

В российской консервативной прессе сложилась точка зрения, согласно которой в деятельности Бисмарка внешняя политика преобладала над внутренней. Одним из наиболее спорных во внутригерманской политике знаменитого канцлера является вопрос о так называемом «культуркампе» (Kulturkampf), или «борьбе за культуру». Этот термин был введен в обиход известным германским патологоанатомом и политиком Рудольфом Вирховом. Отмечая успешное начало культуркампа, журналисты «Русской старины» писали, что Бисмарк показал, «как нужно действовать с католическим духовенством, чтобы возвратить его на путь религии и истины» [Последняя польская смута, 1875, т. 12, с. 126].

Однако уже в конце 1870-х, а особенно на рубеже 1880 и 1890-х гг. в консервативной печати все чаще появляются статьи, в которых признается, что словам рейхсканцлера «мы не пойдем в Каноссу» не суждено было сбыться: несмотря на определенные успехи культуркампа в первые годы позднее католикам удалось вернуть практически все утраченные права и привилегии. Довольно ехидно оценил итоги этой борьбы с Ватиканом и его представителями в Германии В. А. Грингмут: «Бисмарк, ни пред кем не склонявший своей гордой заносчивости, никогда не признававший себя побежденным, склонился пред "жалким Ватиканским узником" и действительно пошел в Каноссу, отменив свои грозные "майские законы" против католического духовенства» [Грингмут, 1908, с. 237].

Авторы «Исторического вестника» ставят Бисмарку в пример успехи антиклерикального законодательства во Франции, где властям удалось существенно ограничить влияние церкви на решение светских задач. При этом сотрудники консервативных изданий не вникают глубоко в при-

чины провала культуркампа в Германской империи, ограничиваясь лишь комментариями того, что «железный канцлер» потерпел поражение в неравной борьбе. Одни журналисты-консерваторы доказывали, что у Бисмарка не было четкой программы построения отношений с партиями, что он действовал в соответствии со сложившимися обстоятельствами и не отдавал предпочтения ни одной из партий, находя вполне естественным сотрудничать с одной из них, когда это было необходимо. Другие считали, что у «железного канцлера» в силу его юнкерского происхождения были сильны симпатии к обеим германским консервативным партиям, прогрессистов же и социал-демократов он считал явными врагами внутри империи, а к либералам и католической партии Центра был равнодушен. При этом вопрос об отношениях имперского канцлера с партиями был неразрывно связан с проблемой оценки им парламентаризма. Разногласий по этому вопросу у авторов статей и заметок не возникало: все они считали Бисмарка противником парламентаризма, приводя в подтверждение однажды сказанные им слова о том, что английский парламентаризм для Германии не подходит, поэтому главная роль в функционировании государства должна принадлежать правительству, а не парламенту. В одной из статей «Русского вестника» читаем: «... невозможно себе представить лучшего опровержения парламентаризма, нежели отношение Бисмарка во всю его продолжительную карьеру к различным политическим партиям в парламенте...» [Е. Г. Г., 1899, № 4, с. 503].

Затрагивая отношения Бисмарка с представителями прусской королевской династии, журналист Е. Г. Г. из «Русского вестника» выразил свое мнение по вопросу об отношении будущего канцлера к королю Фридриху-Вильгельму IV: «... храня, как подданный присягу верности, он как государственный деятель приложил все старание к тому, чтобы отвращать пагубные последствия несостоятельности короля в деле как внешней, так и внутренней политики» [Е. Г. Г., 1899, № 2, с. 548]. Впрочем, наибольшее внимание было уделено взаимоотношениям с Вильгельмом I. Преобладает точка зрения, согласно которой император многим обязан своему первому министру, который позволял себе порой критиковать своего господина. Журналистами не осталось незамеченным то, что в случае возникновения разногласий с Вильгельмом I по важнейшим вопросам, Бисмарк угрожал отставкой, после чего император всегда принимал его точку зрения. Сотрудник «Исторического вестника» В. Тимирязев, анализируя воспоминания «железного канцлера», гневно писал: «Что он неблагоприятно отзывался об императрицах, о Фридрихе и Вильгельме II, то это еще можно объяснить их враждебными действиями против него, но все, что он говорит презрительно резко о Вильгельме I, которого он постоянно называл своим повелителем, своим «барином» и который всегда ступал перед ним, предоставляя ему полную свободу действий и все лавры, решительно является чудовищным» [В. Т., 1899, № 6, с. 996].

Что касается отношений «железного канцлера» с Фридрихом III, то они характеризовались как враждебные с обеих сторон. По-иному воспринималось взаимодействие канцлера с Вильгельмом II. В первые годы после отставки Бисмарка именно на него возлагалась вина за охлаждение в отношениях между ними. По мнению редакции «Исторического вестника», в начале правления неопытного и необузданного Вильгельма II присутствие около него умудренного сединами канцлера казалось более чем когда-либо необходимым. Однако император, известный своим желанием править самостоятельно, почти сразу начинает плести интриги против своего главного министра, но виновным, по мнению представителей отечественной консервативной печати, оказывался всегда последний. При этом Бисмарк продолжал критику кайзера Вильгельма II даже после отставки, печатая анонимные статьи в верных ему периодических изданиях.

Обратимся к анализу восприятия внешней политики Отто фон Бисмарка, прежде всего проблемы объединения Германской империи. Авторы большинства статей и заметок считали канцлера главным инициатором консолидации немцев в единую империю, однако в некоторых номерах «Исторического вестника» журналисты ставили под сомнение данное утверждение. В качестве доказательства они ссылались на «Дневник» императора Фридриха III, публикация которого вызвала гневную реакцию у главы германского правительства. Дело в том, что в «Дневнике» показывается, будто основная заслуга в деле объединения Германии принадлежит именно Фридриху III, у которого «железный канцлер» наглым образом украл идею и воплотил ее в жизнь ради достижения славы. Думается, не стоит спешить с выводами и принимать на веру это предположение. Не будем забывать, что у императора, который правил страной чуть более трех месяцев, всегда были натянутые отношения с Бисмарком из-за несовпадения политических взглядов. Кроме того, кайзер был женат

на представительнице английского королевского двора, дочери великой королевы Виктории; и обе они имели на него сильное влияние. А отношения жены Фридриха с «железным канцлером» характеризовались взаимной враждебностью. Учтем и то, что дневники и мемуары всегда отражают лишь одну точку зрения и их автор желает предстать в лучшем свете, а переложив порой свои просчеты на других и приписать себе всю славу. Данное утверждение относится и к мемуарам Бисмарка, в которых он писал о том, что планы объединения разрозненных германских земель возникли в его голове задолго до начала 60-х гг. XIX в.

В среде отечественных журналистов консервативного толка не было единства в вопросе о герое объединения Германской империи. Большинство их безоговорочно признавали за «железным канцлером» право называться творцом германского единства. Особо отмечались великолепная дипломатическая подготовка «железным канцлером» намечающихся конфликтов, его умение найти нужный момент для нанесения удара, выставив при этом Пруссию обороняющейся стороной. Многие журналисты поддерживали возвышение агрессивной Пруссии, опасаясь в годы подъема революционного движения потерять важного партнера по европейскому охранительному лагерю.

М.Н. Катков дал оценку действиям германского канцлера во время подготовки войн с Данией и Австрией: «В этом смелом и даже дерзком образе действий ясно видна самонадеянная рука г. фон Бисмарка, этого оригинального человека, развивающего все большую и большую отвагу по мере того, как возрастают окружающие его трудности» [Катков, 1864, с. 73]. Поддерживая политику «железного канцлера» в австро-прусской войне, наши журналисты руководствовались прежде всего желанием увидеть разгром неблагодарной Австрии, которая отплатила династии Романовых за помощь в подавлении революции 1848-1849 гг. черной неблагодарностью, вступив в антирусскую коалицию во время Крымской войны 1853-1856 гг. Но по мере успешного осуществления Пруссией консолидации германских земель у консервативных отечественных журналистов меняется мнение о Бисмарке: в той же «Вести» авторы статей начинают выражать опасения, как бы немцы, объединив страну, не продолжили военные действия на территории соседних государств. Что касается франко-прусской войны, то, по мнению М.Н. Каткова, Бисмарк обманывал французское правительство, пока это было выгодно для него, а когда он понял, что наступил час для решительной схватки с «естественным противником», Франции немедленно была отправлена в качестве приманки Эмская депеша, не оставленная без ответа оскорбленными французами. Катков задается вопросом: «Немецкие патриоты думают, что с победами бисмаркизма начинается для Германии эпоха господства и преобладания. Увы! Не есть ли это скорее начало конца? Не есть ли это знаменье грядущей эпохи, когда другие займут вершины истории?» [Катков, 1870, с. 536].

В. Тимирязев из «Исторического вестника» утверждал, что Бисмарк во время Крымской войны 1853–1856 гг. обеспечил себе репутацию русофила не конкретными действиями, а ничем не подтвержденными выкриками о своей дружественной позиции к российской империи. «Таким образом, с самого начала своих отношений к России он исключительно держался интересов своей родины, хотя старается в своих мемуарах поставить себе в заслугу относительно России его сочувствие к ней в мрачные дни севастопольской кампании и хвалится тем, что он не разделял антипатии к России прусской либеральной партии, которую поддерживала будущая императрица Августа, хотя в ней текла русская кровь» [В. Т., 1899, № 7, с. 285].

Особый интерес у отечественных исследователей вызывают годы пребывания прусского посла Отто фон Бисмарка в Петербурге в качестве официального представителя Гогенцоллернов. В советской историографии сложилось мнение о том, что «железный канцлер» был крайне раздосадован этим назначением, уповав на то, что лишь незадолго до этого разобрался во всех хитросплетениях франкфуртского союзного «лисятника». Однако журналист «Исторического вестника» В. Тимирязев, которого нельзя заподозрить в симпатии к германскому канцлеру, выражает несколько иное мнение: «Как бы то ни было, когда его назначили посланником в Россию в 1859 году, то его приняли при русском дворе в качестве действительного друга России, и он тотчас почувствовал себя словно на родине (heimatlich), согласно его собственному выражению в письме к жене» [Там же, с. 285]. Вместе с тем тот же журналист пишет, что дальнейшие высказывания Бисмарка и особенно содержание его воспоминаний дают основания говорить о том, что прусский посланник был не в восторге от царивших при дворе Романовых нравов, из которых он особенно критикует воровство, бюрократию, пьянство, а также невоспитанность молодого поколения и его якобы сильные германофобские настроения. И все же В. Тимирязев и бывший учитель русского языка «железного

канцлера» В. Алексеев доказывали, что Бисмарк с симпатией относился к поколениям Горчакова и Александра II, с которым у прусского посланника сложились особенно теплые отношения.

Бывший педагог однажды поинтересовался у прусского посла мнением о нашей стране. В своих воспоминаниях В. Алексеев написал следующее: «Он был о России высокого мнения, предсказывал ей великую будущность и основывал свое мнение на том, что когда крестьянина отдадут в солдаты, то через год из грязного, забитого, ленивого и безграмотного человека он становится почти неузнаваемым, делается бодрым, видным, поворотливым и сметливым; если в народе существуют такие задатки, то они могут служить только в пользу этого народа. В общем, как он выразился, Россия – это «пьяный мужик» [Алексеев, 1894, с. 453-454]. Журналисты «Исторического вестника» указывали, что Бисмарк предпочитал Москву Петербургу, так как недолюбливал каменные строения, к тому же нынешняя столица России вызывала у него восхищение своим величием и открытыми пространствами.

В. Тимирязев подвел итоги пребывания «железного канцлера» на посту прусского посланника в Петербурге в 1859–1862 гг.: «Но как резко не отзывается Бисмарк о России и русских, ему хорошо было в Петербурге, и он так желал в нем остаться, когда возбужден был вопрос о новом его назначении, что император Александр поверил искренности его сожаления покинуть Петербург и предложил перейти на русскую службу. Конечно, будущий канцлер от этого отказался и заявил, что если он желал остаться в Петербурге, то лишь в качестве представителя Пруссии» [В. Т. 1899, № 7, с. 288].

По мнению отечественных журналистов-консерваторов, плодотворная деятельность «железного канцлера» помогла ему во время польского восстания 1863 г. заключить конвенцию Альвенслебена. Но В. Тимирязев считал, что «это политико-военное соглашение, однако, не принесло никакой пользы России, и тот же Бисмарк отговорил прусского короля от содействия России против Польши, так как могла возникнуть общеевропейская война, в которой Пруссии пришлось бы действовать рука в руку с Россией против Австрии, Англии и Франции» [Там же, с. 288]. Отметим, что ни в одном из исследований больше не встречается такое утверждение, будто конвенция Альвенслебена была инициативой Вильгельма I, а не его преданного слуги.

Наиболее болезненно представителями этой политической ориентации воспринимались итоги Берлинского конгресса. Журналисты «Русского вестника» (к сожалению, не указавшие своего имени) размышляли о том, что знаменитый канцлер, не препятствуя продвижению на Балканах как России, так и Австрии, добивался преобладания Германской империи в западной части европейского континента, где располагался «исконный враг» немцев – Франция. В. Тимирязев традиционно заявляет о предательстве «железного канцлера» на конгрессе по отношению к России, которая считала его истинным другом, а не «честным маклером». Он замечает, что Бисмарк в мемуарах старается очистить себя от всяких обвинений, сваливая всю вину на самих русских. Массу нареканий у Тимирязева вызывали и глава отечественной миссии на этом конгрессе канцлер А. М. Горчаков, и второй уполномоченный от России граф П. А. Шувалов. Негативное отношение журналиста к работе наших представителей на Берлинском конгрессе выразилось в следующих словах: «В особенности жалкую роль играл на этом конгрессе князь Горчаков, который хотя и был не вторым представителем России, как уверяет "железный канцлер", а первым, но в виду своей старости, нездоровья и обстоятельств не принимал деятельного участия в совещаниях, а только, так сказать, присутствовал при своем дипломатическом унижении. Все свои интриги, увенчавшиеся полным успехом, Бисмарк вел через второго уполномоченного России, своего друга, графа Шувалова...» [В. Т., 1899, № 7, с. 294-295].

О взаимной неприязни канцлеров России и Германии упоминается во всех статьях, где рассматривается отношение германского государственного деятеля к России. Тот же В. Тимирязев писал о том, что рубежом в отношениях двух великих политиков стал 1875 год, когда возникла угроза новой франко-германской войны, отведенная лишь благодаря вмешательству Петербурга. До этого момента между ними практически не возникало противоречий, более того, германский канцлер сам отводил себе вторую роль, повсюду заявляя, что именно у русского канцлера он учился дипломатическому искусству. Однако по мере укрепления Германской империи, ее создатель все больше тяготился подчиненной ролью, Горчаков же не хотел никому уступать своего первенства в качестве ведущего дипломата Европы, что неизбежно вылилось в конфликт в 1875 г., в связи с вопросом о будущем Франции как великой державы. Рассуждая о новом витке их противостояния

на конгрессе в Берлине, В. Тимирязев замечал, что Бисмарк смог добиться не только укрепления позиции Германии в Европе, но и взять реванш у Горчакова за свое унижение в 1875 г.

Журналист «Московских ведомостей» В. А. Грингмут основными виновниками дипломатического унижения России называл Бисмарка и Биконсфильда. Однако позднее он выразил сожаление о том, что у Российской империи нет своего «железного канцлера», и призывал растить таких же преданных отечеству государственных людей «высшего разряда». Редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, обличая химеричность «Союза трех императоров» и «близкой» дружбы Австрии и России в нем, так оценивал прошедший в немецкой столице конгресс великих держав: «... он расплавил кажущиеся твердыни прежних международных группировок и сочетаний, и теперь снова все подлежит вопросу» [Катков, 1878, с. 312].

После 1878 г., по мнению редакций «Исторического вестника» и «Русского вестника», Бисмарк, всегда опасавшийся открытого разрыва с Россией в связи с боязнью потерпеть от нее сокрушительное поражение, начинает проводить антирусскую политику в финансовой и дипломатической сфере. Результатом ее явилась таможенная война Петербурга и Берлина в 1880-е гг., активно поддерживаемая прессой обеих стран, что способствовало нагнетанию страстей. Еще более открыто свою враждебную России позицию «железный канцлер» выразил заключением сначала союза с Австро-Венгрией, а затем с Италией, который стал основой направленного против Петербурга Тройственного союза. Обсуждая то, что отправленный в 1890 году в отставку Бисмарк критиковал правительства Каприви и Гогенлоэ за разрыв с Россией, журналисты отечественных консервативных изданий доказывали, что это не что иное, как хитрая уловка, направленная на то, чтобы попытаться вернуть себе утраченные позиции в политическом руководстве созданного им же Второго рейха.

Сотрудники журнала «Русский вестник» с горечью признавали, что долгие годы «железный канцлер» оказывал прямое, сильное и несомненное влияние на внешнюю политику России: «Было время, когда русская дипломатия шагу не ступала, не спросясь у немцев; когда выдающиеся ее представители то и дело обращались к Бисмарку за советами, сами беспрестанно ездили за ними в Варцин и Фридрихсруэ, что подало повод покойному Каткову остроумно сравнить это паломничество с поездками русских удельных князей на поклон в Золотую Орду» [Политическое обозрение, 1895, № 2, с. 389]. Вполне понятно недовольство журналистов влиянием иностранцев, хотя и явно преувеличенным, на политику России. Соглашались с таким приговором и журналисты «Исторического вестника», писавшие о Бисмарке, что «в сущности, не было более заклятого врага у России, чем этот "честный маклер", как он себя называл, и никто не делал столько вреда России, как его политика ловкой эксплуатации в интересах Германии родственной привязанности Александра II к старому дяде Вильгельму, и слабохарактерной мягкости князя Горчакова...» [В. Т., 1899, № 7, с. 283-384].

Что касается других направлений внешней политики Германской империи, то они не нашли широкого отражения в консервативной отечественной прессе второй половины XIX—начала XX в. Больше всего журналистов консервативных изданий волновала политика Отто фон Бисмарка в отношении Франции. Так, в мартовском номере «Исторического вестника» за 1905 г. авторы статьи «Иностранцы о России» доказывали, что, еще будучи прусским послом в России, «железный канцлер» в письмах на родину высказывался за неизбежный конфликт Пруссии с Францией, как исконным врагом объединения германских земель в одно сильное государство. Журналисты указывали на жалобы Бисмарка своему начальству, которые касались частных переговоров Горчакова и французского посла в Петербурге герцога Монтебелло. Недовольство Бисмарка намечающимся франко-русским сближением послужило, по мнению представителей журнала, неким предвестником франко-прусской войны 1870–1871 гг.

В. Тимирязев доказывал, что германский канцлер «действительно не только на словах, но и на деле был человек огня и железа. Он настаивал на бомбардировках Парижа и уничтожении всего города в 6 дней, требовал, чтобы безжалостно жгли все города и селения, сопротивлявшиеся пруссакам, советовал казнить, как преступников, французских вольных стрелков, взятых в плен, и т.д.» [В. Т., 1899, № 4, с. 295]. М. Н. Катков высказал предположение о том, что такая огромная контрибуция была назначена Франции с целью запугать ее правительство непомерностью требований. Как отмечал известный советский исследователь П. А. Зайончковский, Катков к 80-м гг. XIX в. из сто-

ронника российско-германского союза превратился в «рьяного «германофоба», призывал к сближению с Францией» [Зайончковский, 1970, с. 71].

Что касается политики, проводимой «железным канцлером» по отношению к другим странам, то русские журналисты-консерваторы не обошли своим вниманием процесс складывания Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии. Они считали, что у Бисмарка еще до войны 1866 г. возникла идея не уничтожить Австрию окончательно, чтобы потом превратить ее в верного союзника, а точнее пособника в продвижении германских интересов. И канцлеру удалось добиться поставленной цели, к которому в значительной степени его подтолкнуло охлаждение русско-германских отношений после Берлинского конгресса 1878 г. Отечественные журналисты обвиняли его в стремлении направить интересы России и Австрии на Балканы. Они полагали, что «железный канцлер» совершенно не уважал своих австрийских союзников, а друзьями среди них называл лишь тех, кто стремился находиться в фарватере его политики; самостоятельных же государственных деятелей он всевозможными способами пытался устранить из большой дипломатии.

М. Н. Катков считал, что второй союзник Германии по Тройственному союзу, Италия, не вызвала у германского канцлера особого доверия, так как «сближение Германии с Италией началось лишь с того времени, когда во главе Римского кабинета, в мае 1881 года, стал человек, вполне преданный монархическому принципу и отличающийся твердой энергией в обуздании парламентских партий, нынешний министр-президент Депретис» [Катков, 1884, с. 25]. Критику Бисмарком Тройственного союза после отставки в 1890 г. журналисты «Исторического вестника» объясняли стремлением списать на других собственные просчеты и ошибки, а также вернуть себе утраченные позиции в политическом руководстве Германской империи.

О колониальной политике «железного канцлера» упоминают лишь «Московские ведомости», и то ограничиваясь общими фразами о созыве конференции в Берлине в 1884 г. по проблемам территориального раздела Африки и о неизбежном влиянии этого процесса на внутреннее положение в Германии.

Подводя итоги внутренней и внешней политики Бисмарка, проводимой в ходе его политической карьеры, В. Тимирязев саркастически писал: «Тридцать лет железный канцлер господствовал в Германии и двадцать лет в Европе; он превратил Пруссию и ее старого, слабого, нерешительного короля в Германскую империю и могущественного императора; он постепенно унизил Данию, Австрию, Францию и отчасти Россию; внутри Германии он вел ожесточенную борьбу с парламентом, клерикалами и социалистами; наконец, он превратил всю Германию и всю Европу в громадный военный лагерь» [В. Т., 1899, № 7, с. 300].

Таким образом, в российской печати второй половины XIX – начала XX в. сложился противоречивый образ «железного канцлера», который, неоднократно изменялся на протяжении нескольких десятков лет. Оценки личности и политики Бисмарка российскими консервативными журналистами являются своеобразным срезом общественного мнения, ни в коем случае не претендующим на обобщенность выводов, а лишь показывающим отношение в прессе к яркому представителю зарубежной дипломатии. Изменение оценок, вероятно, зависело от российско-германских отношений исследуемого периода, от ценностных ориентиров и мировоззрения представителей российской прессы. Кроме того, с 1850-х гг., когда имя будущего канцлера стало впервые мелькать на страницах консервативной печати Российской империи, до 1917 г. прошло более полувека, что позволило сделать выводы, основанные не на первоначальных, как правило, эмоциональных впечатлениях, а на обдуманном анализе с привлечением ранее недоступных источников.

Библиографический список

- Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. № 11.
- Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971.
- В. Т. Бисмарк в своих и чужих воспоминаниях // Исторический вестник. 1899. № 4, 6, 7.
- Грингмут В. А. За что убили Плеве? // Собр. статей В.А. Грингмута. Т. 3. Полит. статьи. М., 1910.
- Грингмут В. А. Кончина папы // Собр. статей В.А. Грингмута. Т. 2. Полит. статьи. М., 1908.
- Е. Г. Г. Бисмарк в своих воспоминаниях // Русский вестник. 1899. № 2, 4.
- Есин Б. И. История русской журналистики XIX века: учеб. пособие. М., 2003.
- Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

- Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864. М., 1897.
Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1870. М., 1897
Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М., 1897.
Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884. М., 1898.
Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885. М., 1898.
Политическое обозрение // Рус. вестник. 1888. № 2, 7; 1895. № 2.
Последняя польская смута: Рассказы очевидца. 1861-1864 // Русская старина. 1875. Т.12.
Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.
Юртаев С.А. Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871–1890 годах в отражении общественного мнения России: дис. ... канд. ист. Наук. М., 2009.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.03.2013

THE PERSONALITY AND POLICY OF OTTO VON BISMARCK IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN EMPIRE'S CONSERVATIVE PRESS

A. M. Ipatov

Voronezh State Pedagogical University, Lenin str., 86, 394043, Voronezh, Russia
molot.tora@mail.ru

The article considers the appreciation of Otto von Bismarck in the conservative press of the Russian empire in the second half of the XIX century - early XX century. An attempt is made to prove that the assessments of the personality and activities of "the Iron Chancellor" were varied and gradually changed under the influence of numerous factors.

Key words: Bismarck, conservative press, the Russian empire, appreciation, personality, policy.

References

- Alekseev V.* Vospominaniya byvshego uchitelya russkogo yazyka knyazya Bismarka // Istoricheskiy vestnik. 1894. № 11.
Baluev B. P. Politicheskaya reaktsiya 80-kh godov XIX veka i russkaya zhurnalistika. М., 1971.
V. T. Bismark v svoikh i chuzhikh vospominaniyakh // Istoricheskiy vestnik. 1899. № 4, 6, 7.
Gringmut V. A. Za chto ubili Pleve? // Sobr. statey V.A. Gringmuta. Т. 3. Polit. stat'i. М., 1910.
Gringmut V. A. Konchina papy // Sobr. statey V.A. Gringmuta. Т. 2. Polit. stat'i. М., 1908.
E. G. G. Bismark v svoikh vospominaniyakh // Russkiy vestnik. 1899. № 2, 4.
Esin B. I. Istoriya russkoy zhurnalistiki XIX veka: ucheb. posobie. М., 2003.
Zayonchkovskiy P. A. Rossiyskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov). М., 1970.
Katkov M. N. Sbranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1864. М., 1897.
Katkov M. N. Sbranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1870. М., 1897
Katkov M. N. Sbranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1878 god. М., 1897.
Katkov M. N. Sbranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1884. М., 1898.
Katkov M. N. Sbranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1885. М., 1898.
Politicheskoe obozrenie // Rus. vestnik. 1888. № 2.
Politicheskoe obozrenie // Rus. vestnik. 1888. № 7.
Politicheskoe obozrenie // Rus. vestnik. 1895. № 2.
Poslednyaya pol'skaya smuta: Rasskazy ochevidtsa. 1861-1864 // Russkaya starina. 1875. Т.12.
Tvardovskaya V.A. Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M. N. Katkov i ego izdaniya). М., 1978.
Yurtaev S.A. Vneshnyaya politika O. fon Bismarka v 1871–1890 godakh v otrazhenii obshchestvennogo mneniya Rossii: dis. ... kand. ist. Nauk. М., 2009.